

**Правовые «модели» развития промышленности:
владельческие и посессионные заводы Урала
в первой половине XIX в.***

Промышленное освоение Урала с петровских времен протекало в особых создаваемых государством условиях, которые, меняясь с течением времени, формировали своего рода «правовой фон» развития промышленности. От его «тональности» во многом зависели динамика и характер этого развития, а значит, и роль Урала в экономической истории страны.

В период становления горнозаводской промышленности власть шла на беспрецедентные меры поощрения частного предпринимательства, включавшие выравнивание возможностей представителей разных сословий при строительстве заводов и передачу им существенных «казенных пособий» в виде природных и социальных ресурсов. В петровское время была введена «коронная собственность» на недра (т. е. руды) и леса частных имений, а также предоставлена возможность недворянам покупать крепостных к заводам¹. В результате принятых мер фактически все заводчики независимо от происхождения оказались в равном правовом положении в первую очередь по отношению к природным ресурсам и должны были платить государству равную по величине горную подать. Это позволило промышленности динамично развиваться и занимать ведущее положение в экономике страны.

Когда же во второй половине XVIII в. дворянству были возвращены отнятые Петром I привилегии, неизбежным стало изменение отношения власти к вопросу о правах заводчиков. Манифестом 28 июня и указом от 22 сентября 1782 г., которые вернули землевладельцам право собственности на недра и леса², государство сделало первый шаг, создав юридический повод для пересмотра прежней петровской политики. В сложившейся ситуации предоставленные ранее землевладельцам руда и леса для действия их заводов уже не могли рассматриваться в качестве пособий от казны. Вторым и решающим шагом к статусному разделению заводов стал именной указ от 23 июня 1794 г., кото-

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ-Урал № 07-01-83111а/У.

рым правительство установило полуторную разницу в величине горной подати с чугуна и меди между заводами, основанными с помощью казны и без таковой³.

Новый принцип налогообложения окончательно выделил из состава заводчиков тех, которые завели заводы в собственных имениях или на купленных или кортомленных ясачных землях и пользовались трудом своих крепостных. Они оказались в новой роли полноправных собственников заводских имений в отличие от основавших заводы на казенных землях и сохранивших прежний статус «пользователей казенных пособий». В дальнейшем за последними закрепилось название посессионеров. Было установлено, что переход заводской собственности по наследству или путем покупки не менял статуса владения. Именной указ от 16 марта 1798 г. предписал даже дворянам, «купившим заводы от недворян, содержать заводы на тех же самых обязательствах, на которых они до покупки состояли»⁴.

Просьбы посессионеров дифференцировать подати в зависимости от характера и величины «казенных пособий» привели к тому, что в 1807 г. запутавшиеся в этом сложном деле горные власти не нашли ничего лучшего, как признать пособием даже само право пользования ими. «Столь ясное о пособии казны заводчикам положение, — посчитали в Пермском Горном правлении, — не исключит по сим статьям никого от прибавочной подати»⁵.

Полный перечень пособий был определен в «Учреждении Министерства финансов» от 25 июня 1811 г., в соответствии с которым они были разделены на пять видов: 1) в людях; 2) землях; 3) лесах; 4) рудниках. К пятому были отнесены те заводчики, «кои получили позволение владеть заводом и при оном крепостными людьми, не имея права дворянства». Пользование любым из этих «казенных пособий» превращало завод в посессионный, а владельца — в заводчика-посессионера, независимо от его словесного статуса⁶.

Параллельно с решением вопроса о величине горной подати и составе пособий обобщались и утверждались нормы нового посессионного права, которые являлись своего рода условиями предоставления заводчикам разных «казенных пособий». Правообразующим актом стал «Проект Горного положения» 1806 г., чьи установки в дальнейшем послужили основой для свода российского горнозаводского законодательства — Горного устава (1832, 1842 г. и итоговой для первой половины XIX в. редакции

1857 г.). Однако ни здесь, ни в гражданском законодательстве сущность посессионного права не была четко определена. Специалисты второй половины XIX в. также не пришли к однозначной трактовке понятия, заключив, что «посессия составляет право темное, запутанное и неопределенное», в точности не соответствующее ни одному из существовавших тогда градаций собственности⁷. С позиций современных представлений посессионное право представляется скорее историко-правовым феноменом. В нем права посессионера на горнозаводское хозяйство как совокупность предприятий и ресурсов выглядят сочетанием в одном субъекте черт собственника, владельца и пользователя, а за государством сохраняются права номинального собственника ресурсов⁸.

Специфика посессии вытекала из ее «коренного» принципа, заключавшегося в нераздельности пользования «казенными пособиями» и действием завода, прекращение которого вело к утрате пособий. «Недвижимое имущество частных горных промыслов и заводов, имеющих от казны пособие, — говорилось в указе от 13 декабря 1820 г., — есть неотделяемая принадлежность оных... Никакая из сего имущества часть не может быть переукреплена [т. е. отделена] иначе, как вместе со всем заводом, к которому она принадлежит»⁹. Этот принцип, напоминающий поместный, служил своего рода гарантией прав обоих «участников» посессии и с юридической точки зрения обеспечивал казне получение дохода (повышенной подати), а заводчику — возможность бессрочного распоряжения пособиями, необходимыми для полноценного функционирования горнозаводского хозяйства и получения прибыли.

Оборотной стороной этого стали так называемые «посессионные ограничения», которые были призваны гарантировать казне получение определенного уровня дохода в виде горной подати при предоставленном «объеме» пособий. Заводское производство не должно было уменьшаться, а увеличиваться — лишь в «границах» имеющихся пособий. Поэтому все крупные технические и структурные изменения в посессионных округах необходимо было согласовывать с горными властями. Особые заводские исправники контролировали пользование «казенными пособиями». Так, чтобы «не обессилить заводские дачи», посессионерам предписывалось вырубать леса и заготавливать уголь «не более годового количества... установленным порядком, по заводским правилам и учреждениям [обобщенным в Лесном уста-

ве]». В случае недостатка лесов Горное правление могло отвести новый участок «из пустопорожных казенных земель», но только «ежели таковые имеются поблизости завода»¹⁰. Рудники, открытые в посессионных дачах, должны были «правильно» разрабатываться, а не «лежать в туне», иначе горные власти могли их передать иному заводчику. Государство также оставляло за собой возможность распоряжаться рудами «другого металла, кроме того, который выплавляется или выделяется на заводе». Заводовладельцы не имели на них права, а потому искать и разрабатывать руды можно было каждому «с ведома горного начальства»¹¹.

Наконец, заводчики-посессионеры были ограничены в пользовании трудом «казенных мастеровых» и «крепостных заводских людей». Первые, если имелись на заводах, должны были содержаться «наравне» с рабочими казенных округов. Вторые считались крепостными, но их запрещалось продавать без завода, переводить на другие работы помимо заводских или отпускать на волю без согласия горного начальства. В случае закрытия завода крепостные «отбирались в казну по надлежащей за душу цене»¹². Кроме того, число рабочих на посессионных заводах должно было находиться в законодательно установленной еще в середине XVIII в. пропорции с количеством главных заводских устройств. В случае превышения нормы за «сверхштатных» рабочих заводчики обязывались исполнять «земские» повинности, от которых по закону были освобождены.

Горнозаводское законодательство распространялось и на владельческие заводы, но в значительно более «мягком» варианте. Не спрашивая разрешения горного начальства, вотчинники должны были «доносить только за известие» обо всех переменах в заводском производстве. От них требовалось из собственных дач отвести лесные участки для заводов, ориентируясь на казенные нормы (обеспечить «вековое действие заводов»), и использовать их по прямому назначению под контролем собственного заводоуправления. Только от владельца зависело также разрабатывать рудники, обнаруженные в его владениях, или оставить их «в туне». Он лишь обязывался подать сведения об открытии рудника в Горное правление «для того, чтобы знать, где какие металлы имеются в недрах земных по губерниям». Однако заводской исправник «присматривал» за рудниками владельческих заводов, «чтобы не только добыча руд и вообще разработка рудника производима была правильно, но и количество добывае-

мых руд было в такой соразмерности, чтобы вдруг не могло обессилить рудника и завод привести в упадок или в совершенную остановку». Своими крепостными рабочими вотчинники распоряжались, как говорилось в манифесте 1782 г., «во всем пространстве прав полной собственности». Тем не менее им рекомендовалось соблюдать пропорции в определении количества рабочей силы, какие действовали на казенных и посессионных заводах. На владельческие заводы распространялись также установленные тогда государством общие «социальные гарантии» заводскому населению, касавшиеся своевременной выдачи заработной платы и провианта, медицинского обслуживания и призра, которые контролировались тем же исправником¹³.

Таким образом, на рубеже XVIII—XIX вв. в России была создана беспрецедентная ситуация, когда параллельно на одном «экономическом пространстве» действовали и развивались две «модели» частной промышленности, различавшиеся степенью правоспособности владельцев в распоряжении заводами и ресурсами. Одна, представленная владельческими округами, существовала в условиях относительно свободного хозяйствования, другая, представленная посессионными округами, — в ограниченных законами условиях «казенной опеки». Их формирование не было случайностью, а стало закономерным следствием ускоренной усиления государства промышленной модернизации XVIII в. Они оказались естественным следствием той особой (отличной от порядков западноевропейских стран) «системы пособий», которая действовала тогда в России сначала в условиях казенной регалии на недра земли и леса, а затем — отмены последней в конце столетия.

Количественное соотношение «владельческого» и «посессионного» секторов уральской промышленности изначально оказалось равным: в 1800 г. из 48 горнозаводских хозяйств 23 (48 %) считались владельческими, 23 (48 %) — посессионными и 2 (4 %) имели в своем составе заводы обоих статусов (табл. 1). По данным налоговой документации, посессионные заводы выплавляли тогда 67 % чугуна и 38 % меди Урала и уплачивали казне 75 % денежной подати с чугуна и 48 % натуральной подати с меди (табл. 2).

Законодательное «оформление» посессионного права в начале XIX в. не вызвало решительного противодействия, но «необъявленная война» против его последствий уже с того времени заняла важное место в административно-правовой деятельности

Состав горнозаводских хозяйств Урала по «статусным» группам (срезы на 1800 и 1861 г.)^{*}

1800 г.			1861 г.		
Владельческие заводы	Посессионные заводы	Заводы обоих статусов	Владельческие заводы	Посессионные заводы	Заводы обоих статусов
1. Кыновские 2. Нытвенские	1. Нижнетагильские 2. Верх-Исетские	1. Суксунские 2. Билимбаевские	1. Кыновские 2. Нытвенские	1. Нижнетагильские 2. Верх-Исетские	1. Суксунские 2. Ревдинско-Рождественские
3. Лысьвенские 4. Пожевские 5. Чермозские	3. Невьянские 4. Алапаевские 5. Шайтанские		3. Лысьвенские 4. Пожевские 5. Чермозские	3. Невьянские 4. Алапаевские 5. Шайтанские	3. Кыштымские 4. Юго-Кнауфские 5. Сергинско-Уфалейские
6. Симские 7. Белорецкие 8. Юрюзанские 9. Катавские 10. Богоявленский 11. Воскресенский 12. Верхоторский 13. Архангельский	6. Сысертские 7. Кагинские 8. Авзяно-Петровские 9. Шильвинский 10. Бемышевский 11. Холуницкие 12. Омутнинские 13. Кирсинско-Кажимские		6. Симские 7. Белорецкие 8. Юрюзанские 9. Катавские 10. Богоявленский 11. Воскресенский 12. Верхоторский 13. Архангельский	6. Сысертские 7. Кагинские 8. Авзяно-Петровские 9. Шильвинский 10. Бемышевский 11. Холуницкие 12. Омутнинские 13. Кирсинско-Кажимские	6. Уинские
14. Благовещенский 15. Преображенский	14. Шурминско-Залазнинские 15. Ревдинско-Рождественские		14. Благовещенский 15. Преображенский	14. Шурминско-Залазнинские 15. Мешинский	
16. Каноникольский 17. Троицкие 18. Мешинский	16. Кыштымские 17. Юго-Кнауфские 18. Сергинско-Уфалейские		16. Каноникольский 17. Троицкие 18. Билимбаевские	16. Богословский 17. Святочудовский	
19. Богословский 20. Нязе-Петровский	19. Нювчимский 20. Архангельский-Шаранский		19. Никитинские		
21. Уинские 22. Тайшевские 23. Варзино-Александровский	21. Берсудский 22. Коринский 23. Пыжманский				

^{*} ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2698а. Л. 9—12 об., 160—163 об., 168—175; Оп. 4. Д. 7. Л. 9—26.

Таблица 2

Динамика производительности посессионных и владельческих заводов Урала и величины горной подати (срезы на 1800 и 1861 гг.)^{*}

Показатель	1800 г.	1861 г.	Увеличение %
<i>Посессионные заводы</i>			
Чугун (пуд.)	4 778 117 (67 %)	8 212 610 (65 %)	172
Подать (руб. асс.)	573 373 (75 %)	985 507 (74 %)	172
Медь (пуд.)	41 828 (38 %)	163 868 (63 %)	392
Подать (пуд.)	6 274 (48 %)	24 580 (72 %)	392
<i>Владельческие заводы</i>			
Чугун (пуд.)	2 350 441 (33 %)	4 329 459 (35 %)	184
Подать (руб. асс.)	188 035 (25 %)	346 352 (26 %)	184
Медь (пуд.)	67 374 (62 %)	94 313 (37 %)	140
Подать (пуд.)	6 737 (52 %)	9 431 (28 %)	140
<i>Все заводы</i>			
Чугун (пуд.)	7 128 558 (100 %)	12 542 069 (100 %)	176
Подать (руб. асс.)	761 408 (100 %)	1 331 859 (100 %)	175
Медь (пуд.)	109 202 (100 %)	258 181 (100 %)	236
Подать (пуд.)	13 011 (100 %)	34 011 (100 %)	261

^{*} ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2698а; Оп. 4. Д. 7; Ф. 43. Оп. 1. Д. 320. Данные «податных ведомостей» за 1800 г. о выплавке чугуна иногда расходятся с уже опубликованными сведениями (Яцунский В.К. Материалы по истории уральской металлургии в первой половине XIX в. // Исторический архив. М., 1953. Т. IX.). Однако, поскольку именно по ним исчислялась горная подать, они использованы в таблице.

заводчиков. Последняя развивалась в двух направлениях: при малейшей возможности посессионеры пытались перевести свои заводы в разряд владельческих, либо совместными усилиями (в форме коллективных прошений) решались повлиять на пересмотр наиболее одиозных норм права. Казна, наоборот, стремилась расширить «правовое поле» посессии за счет увеличения доли посессионных заводов или распространения на владельческие заводы некоторых «посессионных ограничений» в целях получения повышенной подати и усиления контроля.

«Борьба» заводовладельцев и казны шла с переменным успехом и поэтому не привела к серьезным изменениям. Так, до 1861 г. нескольким посессионерам личными усилиями удалось доказать правомерность перевода отдельных своих заводов в разряд владельческих. В 1830 г. в пользу С.В. Строгановой завершилось длившееся 34 года дело о Билимбаевском заводе, который первоначально был отнесен к группе посессионных; в 1853 г. с

тем же результатом закончилось еще более долгое дело об Уфалейских заводах наследников К.М. Губина. В 1852 г. были доказаны владельческие права на Саранинские заводы Кнауфа, Рождественские — М. Д. Демидовой и Камбарский завод Товарищества Суксунских заводов. Казна пошла на «уступки», поскольку большинство из этих заводов были железоделательными, с которых не взималась горная подать. В результате переводы не столько увеличили число владельческих округов, сколько пополнили группу округов, включавших заводы обоих статусов. Округа этой третьей группы, как и прежде, платили «повышенную» горную подать, но на признанные владельческие заводы в их составе «посессионные ограничения» не распространялись.

Казна со своей стороны в 1824 г. «вернула» в посессионное владение Молсбский завод Суксунского округа Демидовых «по случаю истечения срока кортомления ясачных земель» и в 1830 г. — Белорецкий завод, но через 4 года его владелец А.И. Пашков добился возвращения прежнего владельческого статуса. Последний случай послужил поводом для начала тянувшейся без малого 30 лет (с 1830 по 1857 г.) кампании «по разбору прав заводчиков», в ходе которой вотчинники должны были документально доказать правомерность отнесения их заводов к группе владельческих. Откровенный саботаж вотчинников распоряжениям горных властей, а также активность их индивидуальных и коллективных действий привели к неутешительным для казны результатам. Она смогла перевести в разряд посессионных всего три небольших горнозаводских хозяйства (Мешинский завод А.И. Коровина, Уинский — «алапаевских» Яковлевых и Богословский — В.П. Шелашникова). Большинство заводчиков подтвердило и закрепило свой владельческий статус. Особенно постарались потомки И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова (носившие громкие фамилии Белосельских-Белозерских, Лаваль, Пашковых, Дашковых, Балашовых, Сухозанет), которым грозил перевод в посессионеры из-за недворянского статуса их предков — основателей заводов. Мало того что, благодаря настойчивости, связям и влиянию, они сумели отстоять владельческие права на заводы, в 1852 г. Сенат отменил пятое (по перечню 1811 г.) «правовое» пособие, которого они более всего опасались¹⁴.

По другому направлению «борьбы» против действовавших «посессионных ограничений» к середине XIX в. заводчикам удалось добиться немногого. Так, за счет получения монопольных

прав на разработку драгоценных металлов (введено указами 1824, 1837 и 1840 г.) они несколько расширили свои права на минеральные ресурсы посессионных дач. Это позволило многим владельцам значительно увеличить совокупный доход своих горнозаводских хозяйств и отчасти поправить пошатнувшееся в то время финансовое положение металлургической отрасли, что было важно и казне, которая к тому же не могла повсеместно наладить масштабные и контролируемые разработки столь нужных ей золота, серебра и платины.

Некоторое «смягчение» жестких норм в отношении земель и рудников произошло по указу от 11 ноября 1836 г., в соответствии с которым владельцам разрешалось «от одного своего завода перечислять к другому... отведенные от казны и окортомленные земли, леса и действующие или запасные рудники». В то же время указ повторил положение 1762 г. о «нераздробимости» заводов, но подтвердил и возможность деления округа на самостоятельные в производственном отношении части¹⁵.

Во второй трети XIX в. совместными усилиями посессионеры добились издания постановлений, которые несколько ослабили стесняющие ограничения по отношению к заводским крепостным, составлявшим основную массу населения большинства посессионных округов. Естественный рост населения, расширявшаяся практика наемного труда и успехи технического прогресса к тому времени привели к появлению избытка рабочих рук на отдельных заводах или в округах. Не изменив давно устаревших пропорций, определявших количественные параметры «рабочих штатов» частных заводов, казна разрешила «перечислять людей» от одного посессионного завода к другому, принадлежавшему тому же владельцу (указ 1836 г.), а «излишних или вовсе ненужных» заводских крепостных «переуступать» другому посессионеру или «обращать» на казенные заводы за выкуп (указ 1851 г.)¹⁶. «Сверхштатных» также разрешено было отдавать в рекруты или отпускать на волю «для поступления в свободное состояние без всякой замены другими» (указы 1841 и 1846 гг.)¹⁷.

Пойдя на эти ограниченные уступки, которыми не преминули воспользоваться многие посессионеры, власть в то же время расширила сферу своего вмешательства в дела тех округов, в составе населения которых имелись казенные работники. Их число выросло после реформы приписной деревни 1807 г. Тогда к Верх-Исетским, Алапаевским и Сысертским заводам (где казенные мастеровые оставались еще со времени принадлежности за-

водов казне) добавились Сергинско-Уфалейские, Кагинские и Авзяно-Петровские заводы, владельцы которых согласились заменить бывших приписных непременноми работниками. По закону в отношении «казенных людей» владельцы были обязаны считаться с порядками, установленными горными властями для казенных заводов, и при определении нормативов работ и оплаты труда ориентироваться на штаты этих заводов, менявшиеся в 1827—1829 и 1847 гг.¹⁸ В случае каких-либо серьезных отступлений, повлекших жалобы работников, эти штаты могли быть введены на заводах и в обязательном порядке.

В нескольких случаях властям пришлось прибегнуть к этой мере воздействия на «нерадивых» владельцев или к составлению «особых правил содержания людей» в случае отсутствия на заводах казенных работников. Первый раз это произошло на Белорецких заводах И. А. Пашкова, где «за притеснительное для рабочих управление» в 1817 г. были введены специально составленные «штатные положения». Подобные же «положения в отношении плат и уроков» были введены в 1830—1850-е гг. на Кыштымских, Ревдинско-Рождественских, Кнауфских и Кагинских заводах. На Сергинско-Уфалейских и Алапаевских заводах (где в составе населения находились казенные мастеровые и непременно работники) ввели с согласия владельцев штаты Екатеринбургских и Гороблагодатских казенных заводов 1829 г. Штаты тех же Екатеринбургских заводов действовали в 1850-е гг. на Сысертских заводах¹⁹.

Однако неоднократные попытки распространить эту практику на владельческие округа, где тоже имелись злоупотребления частного управления, не увенчались успехом. Когда после введения «положений» для Белорецких заводов горные власти заявили о необходимости составить общие для всех «правила», крупнейшие уральские вотчинники (княгиня В.А. Шаховская, графиня С.В. Строганова, баронесса А.С. Строганова, князь С.М. Голицын, В. А. Всеволожский и Е.Л. Лазарев) подали многозначительное совместное прошение министру финансов. Пермское Горное правление, писали они, «учинило для всех без изъятия заводов общее и одинаковое постановление... и во всех отношениях сравнило как сии владельческие заводы, так и находившихся в них крепостных мастеровых людей с заводами и людьми казенными и с заводами, хотя и частными, но при пособии казны начало свое получившими и при ее влиянии действующими». Ссылаясь на манифест 1782 г. и Жалованную грамоту 1785 г., они по-

требовали «защитить свои права и собственность» и оставить принадлежавшие им заводы «в первобытном и настоящем их положении и от всякого несовместного внутреннего распоряжения и вступительства в управление горного начальства освободить»²⁰. В этом архиважном вопросе влиятельные заводчики-вотчинники еще не раз сумели отстоять свои интересы.

Таким образом, судя по характеру сделанных властью «уступок» посессионерам, можно утверждать, что они не добавили ничего принципиально нового в номенклатуру прав заводчиков. Эти права не вышли за рамки установленной в начале столетия совокупности прав распоряжения и не приблизили посессионеров к роли полных собственников горнозаводских округов. Изменения лишь расширили или регламентировали некоторые имевшиеся права, перенеся действие принципа «нераздельности» с уровня отдельного завода на уровень горнозаводского округа, но не затронули фундаментальных основ посессионного права и связанных с ним ограничений.

Можно даже утверждать, что в первой половине XIX в. государство усилило контроль, благодаря урегулированию форм вмешательства в дела всех частных округов в случае финансовой «несостоятельности» их владельцев (перед казной, частными кредиторами или работниками). Непосредственно казна в лице Уральского Горного правления могла установить над округами «присмотр» (когда горный чиновник, не вмешиваясь в распоряжения частного управления, следил за расходованием денег) или даже управление (когда оно полностью переходило горным властям). С ее санкции, а зачастую и при участии горных чиновников, могли учреждаться опекунские и кредиторские управления или попечительства.

Итак, в результате «борьбы» заводчиков и властей, шедшей с переменным успехом, за первую половину XIX в. «посессионные ограничения» в горнозаводской промышленности были несколько скорректированы, но не ликвидированы; существенно не изменились состав и соотношение групп владельческих и посессионных округов. К 1861 г. из 42 хозяйств 19 (45 %) числились владельческими, 17 (41 %) — посессионными и 6 (14 %) имели двойной статус (см. табл. 1). Крупнейшие горнозаводские округа по-прежнему в основном входили во второй или третий разряды и платили повышенную горную подать. Тогда эти заводы давали в казну те же 74 % подати с чугуна и уже 72 % — с меди (табл. 2).

Сохранение повышенного размера горной подати с посессионных заводов, которая составляла основную долю дохода государства от частных заводов Урала, и являлось, на наш взгляд, первоочередным мотивом достаточно твердой позиции казны в отношении статусного состава округов. По свидетельству горных специалистов, «капитальная» часть податей шла тогда на финансирование казенной горнозаводской промышленности, работавшей на оборону²¹. В условиях фактически перманентного военного положения России в первой половине XIX в. поступление горных податей становилось вопросом национальной безопасности. Этим можно объяснить не только прежний баланс состава округов, но и усиленное внимание казны к совершенствованию системы санкций за податные недоимки. Этим же отчасти объяснялась и довольно «пассивная» позиция заводчиков в отношении существенно завышенной горной подати в России по сравнению с другими европейскими странами²². В высказываниях самих заводчиков неоднократно звучал «патриотический» мотив их предпринимательской деятельности, приносящей реальную пользу государству.

Однако, судя по действиям заводчиков, не столько величина подати, сколько сопутствовавшие предоставлению пособий «посессионные ограничения» и «система административной опеки» стесняли посессионеров и волновали вотчинников. Хотя понимание этого проявилось не сразу, а по мере того, как из принципов XVIII столетия, «не установленных законом положительным», «казенная опека» постепенно сложилась в систему законодательных норм, подкрепленных более-менее действенным контролем. Это наблюдение, в частности, отразилось в размышлениях управляющего Нижнетагильских заводов П.Н. Шиленкова в 1857 г. «Посессионное право, — писал он, — как известно, заключает в себе некоторые ограничения заводчика, как в отношении к землям и лесам, так и в отношении к заводским их людям... Ограничения эти не были еще очень чувствительными прежде, когда они затемнялись общими понятиями о праве вотчинном, более известном, особенно в низших степенях правительственных мест, но время от времени начало выясняться и посессионное право, и всякое движение по этому предмету было уже поставлено почти на счет прав заводчика. Внешнее влияние начало являться во всех делах, относящихся до действия заводов и расширения их сил... Находя всегда почти опору в законе, иногда хотя и не совсем справедливо, влияние это производило, од-

нако, более или менее важное стеснение в хозяйственных соображениях и расчетах заводчика»²³.

По мнению экспертов середины XIX в., к наиболее одиозным ограничениям относились правила нераздельности заводского имущества и пользования только теми рудами, для обработки которых были основаны заводы, а также необходимость испрашивать разрешение горного начальства на увеличение и уменьшение заводского действия и постройку нового завода. Владелец Нижнетагильских заводов А. Н. Демидов князь Сан-Дonato в 1858 г. усматривал «главнейшие различия между двумя родами частного владения... в отношении к отчуждению приписанных к заводам людей... и в надзоре и контроле горного начальства, установленного по предмету потребления лесов в заводах посессионных»²⁴.

Здесь, на наш взгляд, казна и владельцы оказались заложниками ситуации, поскольку эти ограничения закономерно вытекали из «двойственной природы» посессионного права и являлись своего рода гарантирующими условиями соблюдения прав обоих «участников» посессии (казны и частного лица). Главный начальник уральских заводов Ф.И. Фелькнер, словно подтверждая этот вывод, писал, что казенный надзор за рудниками и лесами, «этими главными элементами горного производства», был необходим как «гарантия интересов государства, для которого так важна горная промышленность»²⁵. Однако в общественном мнении действия властей по введению посессионного права постепенно стали расцениваться как свидетельство замены «поощрительной» (как в XVIII в.) на «недоверчивую к частной горнозаводской деятельности» государственную политику, ослабившую темпы промышленного роста в первой половине XIX в.²⁶

Как же на самом деле проявили себя в тех условиях «посессионная» и «владельческая» «модели» горнозаводской промышленности, столь существенно различавшиеся по «правовому облику»? Об этом отчасти дают возможность судить общие итоги развития уральских заводов.

Судя по динамике производства посессионных и владельческих округов в первой половине XIX в. (см. табл. 2), нельзя выявить отчетливого превосходства ни одного из секторов уральской частной промышленности (значительное — с 41,8 до 163,8 тыс. пуд. — повышение выплавки меди на посессионных заводах объясняется началом разработки крупнейшего на Урале Меднорудянского рудника, принадлежавшего одному Нижнета-

гильскому округу). Мало того, максимальные показатели развития производства (более чем в 3 раза по чугуну) наблюдаются на посессионных Нижнетагильских, Сысертских и двойного статуса Кыштымских и Сергинско-Уфалейских заводах, где еще сохранялись значительные ресурсы для развития в границах имевшихся посессий. Там казна лояльно относилась к действиям частного управления и не возражала против увеличения производственных мощностей, хорошо понимая, что от этого напрямую зависит возрастание ее собственных доходов в виде горной подати.

Спад производства из учтенных 48 хозяйств²⁷ фиксируется лишь по Невьянским посессионным заводам (по железному производству), по Суксунским и Уинским посессионным и Мешинскому владельческому заводам (по выплавке меди), что объясняется недостатком «горючего материала» из-за ограниченных лесных ресурсов этих округов или выработкой рудных месторождений. Это свидетельствует уже о появлении проблем, связанных с ресурсной базой, но пока у небольшого числа горнозаводских хозяйств, причем не только посессионных. Остальные либо еще имели возможности для развития в границах существующих владений (включая казенные посессии), либо с помощью казны (если можно было, например, «приграничить» новую лесную дачу по соседству с уже имевшейся или разработать новый рудник в казенных землях и т. д.) находили возможность увеличить сырьевые ресурсы своих хозяйств. То же заводчики могли сделать и самостоятельно путем покупки или аренды лесов и рудников.

Другой показатель развития двух секторов уральской промышленности связан с финансовым положением округов, которое могло основываться на «внутренних» ресурсах окружной экономики или при их отсутствии зависеть от заимствований из других, «внешних», источников. Такой компетентный человек, как главный начальник горных заводов хребта Уральского В.А. Глинка, в 1846 г. констатировал, что «нужду» в оборотных капиталах имели «все заводчики, исключая очень немногих»²⁸. Среди последних можно назвать «тагильских» Демидовых и «верх-исетских» Яковлевых, владевших заводами на посессионном праве, а также вотчинников: «симских» Балашевых и «катавских» Белосельских-Белозерских. Остальные были вынуждены прибегать к разнообразным способам решения финансовой проблемы в первую очередь за счет «внешних» заимствований.

Судя по динамике залоговых операций, осуществленных заводчиками с конца XVIII в. и до 1861 г. (со Вспомогательным дворянским банком, Петербургской и Московской сохранными казнами, Государственным Заемным банком, Государственным казначейством или Горным департаментом и Уральским Горным правлением), владельческие округа подверглись им 46 раз на общую сумму более 12,5 млн, а посессионные — 33 раза на сумму около 5 млн руб. сер.²⁹ Случаи учреждения разных форм контроля, которые, как упоминалось, могли устанавливаться в частных округах, если заводчики не справлялись с их финансированием или имели долги по ссудам или податям (табл. 3), зафиксированы в отношении 32 горнозаводских хозяйств (64 %). Всего за первую половину XIX в. нам известно 16 фактов установления казенного присмотра, 12 — казенных управлений, 19 — опекунских управлений и 5 — попечительств. Частным лицам было разрешено открыть 5 кредиторских управлений заводами, учредить 2 акционерные компании и заключить 11 арендных договоров. Шесть хозяйств были проданы казной с публичных торгов и столько же закрыто.

Наибольшее число таких случаев, как видно, касалось посессионных округов. Из 28 хозяйств, включая округа, где были заводы обоих статусов, 21 (или 75 %) подверглось каким-либо ви-

Таблица 3

**Формы контроля посессионных и владельческих округов Урала
(1800—1861 гг.)***

Округ	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Посессионные:									
раз	11	10	13	3	3	6	2	19	5+4 л.
%	69	83	68	60	60	55	100	68	83+67
Владельческие:									
раз	5	2	6	2	2	5	—	9	1+2 л.
%	31	17	32	40	40	45	—	32	17+33
Всего:									
раз	16	12	19	5	5	11	2	28	6+6 л.
%	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание. Наименования столбцов: 1 — казенный присмотр; 2 — казенное управление; 3 — опекунское управление; 4 — попечительство; 5 — кредиторское, конкурсное управление или управление комиссий; 6 — аренда; 7 — акционирование; 8 — назначение к продаже; 9 — продажа с публичных торгов или ликвидация (л.).

* Искандров Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 567—569.

дам «нехозяйственного управления», в то время как в группе владельцев округов только 10 из 22 (т. е. 45 %). Посессионные округа лидировали и по количеству случаев установления разнообразных форм контроля (49 из 71 или 69 %), в особенности по казенным управлениям (10 из 12).

Таким образом, в первой половине XIX в. более проблематично развивались все-таки посессионные округа, но не горная подать, а иные причины общего и частного характера лежали в основе этого. Хотя в условиях финансового неблагополучия большинства округов Урала, особенно усилившегося с 1840-х гг., дополнительная «нагрузка» в виде повышенной горной подати, безусловно, обременяла бюджет посессионных заводов и усугубляла их положение. Однако, очевидно, что и владельческий статус вовсе не гарантировал успешное развитие заводов и не защищал от финансовых проблем даже в условиях гораздо более щедрого государственного кредитования. В совокупности с отмеченной динамикой производства это свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. правовой статус хозяйства являлся важным, но не решающим фактором, определявшим характер развития заводов. В большинстве округов сдерживающее влияние «посессионных ограничений» еще не превышало выгод от использования природных и социальных ресурсов «казенных пособий» и позволяло им в сфере производства развиваться в той же мере, как и владельческим округам, и даже превосходить их.

Это наблюдение подтверждается и характером «борьбы» посессионеров за свои права, которая тогда еще не была особо активной и выражалась либо в форме немногочисленных индивидуальных и коллективных жалоб и прошений, либо в «тихом саботаже», проистекавшем из возможности обойти «посессионные ограничения» при попустительстве исправников, многие из которых получали содержание от самих заводчиков. Заметим также, что посессионеры добивались не столько отмены, сколько корректировки тех или иных ограничений своей деятельности со стороны казны. Возможно, что эти ограничения и повышенная горная подать воспринимались ими как вполне допустимые в те времена, когда государство играло «попечительскую» роль в экономике страны. Его контроль за развитием отрасли, по мнению некоторых экспертов, имел даже «воспитательное» значение и отчасти предотвращал злоупотребления частного управления в эксплуатации природных

и социальных ресурсов округов³⁰. Правда, другие отмечали, что в округах, где «владельцы сами не прилагали попечения», «посессионные ограничения» не приносили пользы, а «подчинение частных заводов надзору и руководству горного начальства открывало местной администрации обширное поприще к стеснению столь необходимой для успехов всякого промысла свободы действий»³¹.

Полномасштабная критика посессионного права вовсе не случайно развернется в пореформенный период, когда «ресурсный» потенциал посессий в динамично развивавшихся округах окажется недостаточным, а прежняя «казенная опека» станет неуместным и вредным анахронизмом на пути свободного частного предпринимательства. Именно тогда в условиях нарастающего кризиса уральской горнозаводской промышленности вопрос о «горной посессии» всколыхнет общественное мнение, а борьба против нее превратится в один из существенных «факторов выживания» заводов и заводчиков. Однако ее критика, на наш взгляд, не совсем справедливо будет перенесена на всю историю уральской промышленности, в разные периоды которой «горная посессия» играла неоднозначную роль.

В XVIII в. посессия как «пособие от казны» стимулировала быстрое развитие частной горнозаводской промышленности, столь необходимое в эпоху «европеизации» России. В первой половине XIX в. пользование разнообразными посессиями было вполне закономерно оформлено государством в особое посессионное право, включавшее и существенные ограничения свободы предпринимательской деятельности. Оно уже затруднило эту деятельность, но еще не проявило себя в качестве серьезной преграды на пути развития промышленности, позволяя тогда ее «посессионному сектору» развиваться не менее динамично, чем «владельческому». Наряду с прямой выгодой казны от горной подати это, вероятно, послужило дополнительным мотивом для сохранения государством посессионного права в «горнозаводском деле» в то время, когда оно было ликвидировано в других отраслях российской промышленности.

¹ ПСЗ-I. Т. V. № 3436; Т. VI. № 3711.

² Там же. Т. XXI. № 15447, 15518.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2574. Л. 859.

⁴ ПСЗ-I. Т. XXV. № 18442.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 3. Л. 10—149.

⁶ ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24688. § 47, 244.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 90.

⁸ Эти наблюдения мы основываем на положениях монографии «Собственность в России. Средневековье и раннее новое время» (Под ред. Н.А. Горской. М., 2001).

⁹ ПСЗ-I. Т. XXXVII. № 28493; СЗ 1857 г. Т. VII. Горный устав. Ст. 473.

¹⁰ ПСЗ-I. Т. XXIX. № 22208. Ст. 877, 892, 899, 911, 918.

¹¹ Там же. Ст. 200, 217.

¹² Там же. Т. XXV. № 18442; Т. XXVI. № 19641; Т. XXVII. № 20439 а; Т. XXIX. № 22208. Ст. 769, 790; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6729. Л. 150—151.

¹³ ПСЗ-I. Т. XXIX. № 22208. Ст. 187, 201, 217 и др.

¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238.

¹⁵ ПСЗ-II. Т. XI. № 9699; СЗ 1857 г. Т. VII. Горный устав. Ст. 475.

¹⁶ ПСЗ-II. Т. XI. № 9699; Т. XXVI. № 25152; СЗ 1857 г. Т. VII. Горный устав. Ст. 461—463, 467, 475.

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4423. Л. 1—205; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 498. Л. 3, 11, 46.

¹⁸ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 57.

¹⁹ Там же. С. 484.

²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 108. Л. 1—17 об., 22—23.

²¹ Грамматчиков В.А. Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870. С. 235.

²² Там же. С. 234.

²³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1760. Л. 22—22 об.

²⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 61—62.

²⁵ Там же. Л. 218—233.

²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 101—104.

²⁷ Неклюдов Е.Г. Указ. соч. С. 563—564.

²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5893. Л. 1—2.

²⁹ Неклюдов Е.Г. Указ. соч. С. 564—566.

³⁰ См., например: Полетика И. О посессионном праве владения русскими горными заводами // Горный журнал, 1862. Ч. 3. С. 552; Михайлов Н. Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими именными // Горный журнал, 1862. Ч. 4. С. 334—336; И. Ч. О посессионном владении горными заводами // Горный журнал, 1862. Ч. 4. С. 492—518.

³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 101—104.